

© 2009 г.

А.О. НАУМОВ

ИТАЛИЯ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

70 лет тому назад, 1 сентября 1939 г., началась Вторая мировая война. Дипломатическая история последнего предвоенного лета является объектом давнего и пристального внимания исследователей. В начале XXI в. историческая наука располагает обширными документальными материалами, которые позволяют ответить на многие еще недавно неясные вопросы. Тем не менее, и сегодня остаются проблемы, изучение которых необходимо для проведения полноценного системного анализа причин Второй мировой войны. Среди них – политика фашистской Италии и ее лидера Б. Муссолини накануне Второй мировой войны.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной историографии есть работы, в той или иной степени рассматривающие роль фашистской Италии в кризисе 1939 г.¹, этот вопрос еще изучен недостаточно полно. Новые документальные источники, в частности недавно ставшие доступными материалы Исторического архива Министерства иностранных дел Италии², позволяют взглянуть на эти события под новым углом зрения, что и является целью нашей статьи.

Характеризуя политику Италии летом 1939 г., необходимо определить роль, которую играло первое в истории фашистское государство в течение последних предвоенных месяцев. За год до начала Второй мировой войны фашистская Италия занимала прочные международные позиции. Несмотря на противодействие западных демократий, Италии удалось в 1936 г. практически безнаказанно захватить суверенное государство – члена Лиги Наций – Абиссинию (Эфиопию). Вскоре Италия была превращена в империю. В 1936 г. фашистский режим активно вмешался в ход гражданской войны в Испании. Как и в случае с африканской кампанией, масштабная итальянская агрессия против Испанской республики, во главе с законно избранным правительством Народного фронта, осталась, по сути, незамеченной со стороны столпов Версальской системы – Англии и Франции.

И все же агрессивные шаги Италии в Восточной Африке и Средиземноморском регионе не могли не испортить отношения Рима с Лондоном и Парижем. В качестве альтернативы "Фронту Стрезы" дуче уже с 1936 г. делал ставку на союз с национал-социалистической Германией. Однако такое сближение требовало жертв, первой из кото-

Наумов Александр Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Toscano M.* The Origins of the Pact of Steel. Baltimore, 1967; *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973; *Белоусов Л.С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993; *Pastorelli P.* Dalla prima alla seconda guerra mondiale. Momenti e problemi della politica estera italiana, 1914–1943. Milano, 1997; *MacGregor K.* Common Destiny. Dictatorship, Foreign Policy and War in Fascist Italy and Nazi Germany. Cambridge, 2000; *Corvaja S.* Hitler and Mussolini. The Secret Meetings. New York, 2001; *Mallet R.* Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003.

² Archivio storico del ministero degli affari esteri, Roma (далее – ASMAE).

рых стал германский аншлюс Австрии, еще недавно находившейся в орбите итальянского влияния.

Становившийся все более тесным союз с "третьим рейхом" обуславливал зигзаги как внутренней, так и внешней политики Италии. Например, в 1939 год Муссолини вступал в необычной для него роли миротворца. Именно посредничество дуче и его "особые отношения" с Гитлером помогли уговорить фюрера не начинать германо-чехословацкую войну и согласиться на проведение международной конференции в сентябре 1938 г. Несмотря на позорный характер мюнхенской сделки, и в западных демократиях, и в Италии население с воодушевлением встретило известие о заключении нового пакта четырех держав.

Однако после Мюнхена ситуация начала быстро меняться. Ставшая по сути безальтернативной в начале 1939 г. прогерманская ориентация внешней политики Рима вела к дальнейшему обострению отношений с демократическими партнерами по мюнхенскому сговору. Сделав ставку на союз с нацистской Германией, Муссолини вел себя вызывающе по отношению к Великобритании и Франции, намеренно нагнетая напряженность в двусторонних отношениях. "Эти люди (англичане. – *А.Н.*) сделаны уже совсем не из того теста, что Фрэнсис Дрейк..., – говорил дуче своему зятю – министру иностранных дел Г. Чиано. – Уставшие дети целой цепочки богатых поколений, империю они потеряют". В отношении французов Муссолини был еще более категоричен: "Они – первые в очереди на разгром. Такие оскорбления (речь шла о нелицеприятной статье о личной жизни дуче в одной из французских газет. – *А.Н.*) наказываются огнем пушек и бомб"³.

В начале февраля 1939 г. дуче начал претворять свои угрозы в жизнь. 4 февраля 1939 г. Муссолини выступил на заседании Большого фашистского совета с речью, которая должна была определить перспективы внешней политики Италии "на близкие и далекие годы". Эта речь представляла собой развернутую внешнеполитическую программу фашистской Италии на ближайшую перспективу. Главный тезис Муссолини сводился к тому, что независимость каждого государства обуславливается доступом к морю, в то время как Италия является "узницей тюрьмы по имени Средиземное море". Железной решеткой этой тюрьмы, по мнению дуче, были Корсика, Тунис, Мальта и Кипр, а Суэц и Гибралтар – часовыми, закрывавшими Италии путь к океанам. Поэтому, провозглашал дуче, главной целью политики Италии (не имевшей территориальных претензий в Европе, за исключением Албании) было сломать эту решетку и двигаться к Индийскому или Атлантическому океану. В любом случае Италии пришлось бы столкнуться с Францией и Англией; именно поэтому, заключал Муссолини, союз с Германией, которая прикроет Италию с тыла, "является основополагающей исторической необходимостью"⁴.

Несмотря на, казалось бы, безальтернативную прогерманскую ориентацию, дуче все же не был уверен в своем союзнике. Муссолини боялся, что Гитлер неискренен в своей дружбе, что он утаивает подлинные намерения и водит его за нос⁵. Опасения фашистского диктатора подтвердились 15 марта 1939 г., когда Гитлер, нарушив Мюнхенский пакт, оккупировал Чехословакию.

Согласно итальянскому послу в Берлине Б. Аттолико, Гитлер принял решение ликвидировать Чехословакию внезапно⁶. Муссолини ничего не знал о намерениях фюрера, узнав об уже свершившемся факте (так же как и два года назад во время аншлюса Австрии) от гитлеровского эмиссара, зятя итальянского короля принца Филиппа Гес-

³ *Ciano G. Diary, 1937–1943. New York, 2002, p. 176.*

⁴ История Италии, т. 3. М., 1971, с. 144; *Golino E. Parola di Duce – il linguaggio totalitario del fascismo. Rizzoli, 1994, p. 111.*

⁵ *Белоусов Л.С. Указ. соч., с. 248.*

⁶ ASMAE, Carte Lancelotti, Archivio segreto dell'Ufficio coordinamento, UC-6, f.2, Attolico-Ciano, 14. III. 1939.

сенского. Посланник Гитлера объяснил действия фюрера отказом чехов демобилизовать армию и продолжавшимися секретными переговорами Праги и Москвы⁷ что, конечно, не соответствовало действительности. Фашистский диктатор был взбешен и даже запретил сообщать в печати о способе, которым его проинформировал фюрер. "Итальянцы осмеют меня, – говорил он Чиано. – Каждый раз, когда Гитлер захватывает страну, он просто присылает мне послание"⁸.

17 марта 1939 г. Чиано потребовал от германского посла в Риме гарантий от Гитлера о незаинтересованности в Средиземноморском регионе и невмешательстве во внутренние дела Хорватии. Одновременно Муссолини отклонил предложение Гитлера о создании совместных "двадцати дивизий оси", заявив, что Италии нужно от Германии лишь "оружие, военное оборудование и сырье"⁹. 19 марта дуче утверждал, что против союза с Германией "сами камни поднимут восстание"¹⁰.

Однако через два дня на заседании Большого фашистского совета Муссолини говорил уже о том, что "бескомпромиссная верность оси" необходима для итальянской внешней политики и следует из истинно фашистского представления о верной дружбе. Правда, ряд членов Совета были не согласны; генерал-губернатор Ливии маршал И. Бальбо и вовсе заявил, что проводить такую политику означает "лизать сапоги Германии". Но дуче, назвав Бальбо "демократической свиньей", не принял его доводы¹¹.

Так или иначе, захват Гитлером Чехословакии однозначно нарушал равновесие внутри "оси", в связи с чем Муссолини решил совершить собственный акт агрессии – оккупировать Албанию. Характерно, что впервые идея "интегрального разрешения" албанского вопроса возникла у Муссолини вскоре после аншлюса Австрии в марте 1938 г., а осенью того же года в узком кругу фашистских руководителей дуче указывал на Албанию как на один из важных объектов "фашистского динамизма"¹². 28 марта (когда в Рим пришли новости о падении республиканского Мадрида) на глазах многотысячной толпы на площади Венеция Муссолини продемонстрировал открытый на карте Испании атлас и заявил: "Он был открыт на этом месте почти три года. Но я уже понимаю, что должен открыть атлас на новой странице"¹³.

Ранним утром 7 апреля 1939 г. итальянские войска с бомбардировки Дураццо начали вторжение в Албанию, хотя ни с военно-стратегической, ни с политической точки зрения оккупация этой горной страны не представлялась необходимой (Италия и так по сути контролировала Албанию). Итальянская агрессия вызвала повсеместное осуждение в мире; она также грубо нарушала "джентльменское соглашение" с Англией о балансе сил в Средиземном море от 1938 г. и заявления Муссолини о мирных намерениях Италии в ходе переговоров с Чемберленом в январе 1939 г.

Оккупация Италией Албании являлась жалкой пародией на захват Гитлером Чехословакии – одной из самых богатых стран Центральной Европы. Для победы над "страной горных орлов" Италии понадобилось 10 дней. Однако радость Муссолини по поводу успешного завершения операции была омрачена полной дезорганизацией в действиях итальянской армии. "Десант в Албании был осуществлен со столь детским дилетантизмом, – отмечал начальник кабинета Ф. Анфузо, – что, будь у короля Зогу I хоть одна хорошо обученная пожарная команда, он сбросил бы нас в море"¹⁴.

Досадные неудачи при высадке итальянского десанта в Албании, разумеется, не могли поколебать уверенности Муссолини в его планах по завоеванию мира. Когда

⁷ *Corvaja S.* Op. cit., p. 106.

⁸ *Ciano G.* Op. cit., p. 201.

⁹ ASMAE, Carte Lancelotti, Archivio segreto dell'Ufficio coordinamento, UC-6, f.2, Attolico-Ciano, 17.III. 1939.

¹⁰ *Ciano G.* Op. cit., p. 204.

¹¹ *Ibid.*, p. 206.

¹² *Филатов Г.С.* Указ. соч., с. 109.

¹³ *Хубберт К.* Муссолини. М., 2001, с. 134.

¹⁴ *Anfuso F.* Da Palazzo Venezia al lago di garda. Rocca San Casciano, 1957, p. 97.

5 апреля 1939 г. в Инсбруке состоялась встреча начальников генеральных штабов Италии и Германии А. Париани и В. Кейтеля, итальянский генерал заявил, что Италия собирается вести войну самостоятельно, а от Германии Риму нужна лишь "материальная поддержка". В качестве основного противника в Италии видели Францию, причем основной удар предполагалось наносить не в Европе, а в Восточной Африке. В любом случае, Кейтель выразил сомнение, что такая война окажется локализованной, после чего оба генерала согласились, что, так как военный конфликт между Италией и Германией с одной стороны, и западными демократиями – с другой, неизбежен, необходимо к нему готовиться¹⁵.

Воинственные высказывания Париани породили в Берлине ошибочное мнение, что итальянское правительство намерено напасть на Францию, увлекая за собой Германию. В Берлине складывалось впечатление, что Италия вскоре вступит в вооруженный конфликт с одним из гарантов Версальской системы. На самом же деле Муссолини стремился оттянуть начало большого конфликта на как можно более долгий срок. Максимум чего дуче мог себе позволить – это ограниченные операции против колониальных владений Франции, при условии, что Великобритания не вступит в войну, будучи скованной Германией.

Однако руководители "третьего рейха" думали иначе. Верховным командованием германских вооруженных сил по указанию Гитлера был разработан план "Вайс", с осуществления которого и началась Вторая мировая война: не позднее 1 сентября 1939 г. Германия должна была напасть на Польшу¹⁶. На встрече со своим итальянским коллегой и союзником Кейтель ни словом не обмолвился об этом плане. Более того, Геринг, прибывший 15 апреля 1939 г. в Рим, заявил, что благоприятный момент в отношении вооружений Англии и Германии может наступить лишь в 1942–1943 гг., однако подчеркнул, что державы "оси" "должны вооружаться до зубов и уже сейчас быть в состоянии мобилизационной готовности"¹⁷.

18 апреля 1939 г. из итальянского посольства в Берлине пришло сообщение, предупреждавшее, что нападение Германии на Польшу "произойдет в самом ближайшем времени". Итальянский посол в Берлине Аттолико убеждал Чиано прояснить у Риббентропа намерения Германии, дабы не быть застигнутыми врасплох¹⁸.

Фашистский министр, успевший к этому времени заметить, что "Геринг говорит о Польше тем же тоном, каким раньше говорил об Австрии и Чехословакии", был глубоко озабочен и немедленно доставил сообщение посла Аттолико в палаццо Венеция. Но Муссолини, вновь почувствовавший вкус побед после окончания войны в Испании и захвата Албании, не был готов прислушиваться к предостережению. "Италия и Германия желают несколько лет мира и делают все, чтобы его сохранить", – резюмировал Муссолини¹⁹.

Соглашаясь в письме Риббентропу 4 мая 1939 г. с неизбежностью столкновения держав "оси" с западными демократиями, Муссолини вновь подчеркивал, что только в 1943 г. итало-германские "военные усилия сделают победу наиболее вероятной". Муссолини даже посоветовал немцам достигнуть соглашения с СССР, не допустив, тем самым, присоединения Москвы к англо-французскому блоку²⁰.

6–7 мая 1939 г. в Милане состоялась консультативная встреча Чиано и Риббентропа. Чиано, позиционировавший себя (особенно в критические дни августа 1939 г.) как

¹⁵ ASMAE, Carte Lancelotti, Archivio Segreto dell'Ufficio coordinamento, UC-6, f. 3, Verbale riassuntivo del colloquio tra il generale Pariani ed il generale Keitel, Innsbruck, 5.IV.1939.

¹⁶ Дашинцев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945, т. 2. М., 2005, с. 33–34; 37–40.

¹⁷ Toscano M. Op. cit., p. 240–252.

¹⁸ ASMAE, Carte Lancelotti, Archivio Segreto dell'Ufficio coordinamento, UC-7, f. 2, Attolico – Ciano, 18.IV.1939.

¹⁹ Ciano G. Op. cit., p. 221.

²⁰ ASMAE, Carte Lancelotti, Archivio Segreto dell'Ufficio coordinamento, UC-7, f. 1, Memorandum per v. Ribbentrop, Mussolini 4.V.1939.

ярого противника вступления Италии в войну и германофоба, больше говорил о возможном итало-германском военном союзе, нежели о предполагаемой атаке Германии на Польшу. Подчеркнув, что "Италия нуждается в настолько длительном периоде мира, насколько это возможно и желает избежать войны в ближайшие три года", Чиано пошел на существенные уступки германской стороне, в том числе в вопросе о непременном включении в текст будущего итало-германского соглашения статьи, обязывавшей стороны не начинать войну ранее трехлетнего срока с момента подписания союза. Риббентроп в целом соглашался со своим итальянским коллегой, но и он, и Геринг неизменно подчеркивали, что Германия будет готова к полномасштабному военному конфликту и раньше намеченного срока²¹.

22 мая 1939 г. в Берлине был подписан "Пакт о дружбе и союзе между Германией и Италией", более известный как "Стальной пакт" или "Пакт крови". В преамбуле к пакту содержались утверждения о том, что обе стороны объединило стремление к сотрудничеству "в сфере обеспечения мира в Европе". Однако в реальности пакт имел настолько выраженный агрессивный характер, что даже вызвал чувство смущения у итальянского посла в Берлине. По 3-й статье пакта оба государства брали на себя обязательство выступить на стороне друг друга в случае любого вооруженного конфликта независимо от того, окажутся ли они жертвой агрессии или инициатором войны. Впервые в дипломатической практике XX в. был заключен военный союз, который не только не оговаривал оборонительный характер взаимопомощи, но и прямо исходил из возможности агрессивной войны²².

Заключая военно-политический союз с Гитлером, Муссолини надеялся получить ощутимые геополитические выгоды из юридически оформленного альянса с рейхом, а также нанести решительный удар по внутренней оппозиции итало-германскому сближению. Наконец, дуче наивно полагал, что отныне он сможет, так или иначе, влиять на внезапные и волюнтаристские внешнеполитические шаги Гитлера. Как показали дальнейшие события, дуче сильно ошибался, ибо для Гитлера "Стальной пакт" был ни чем иным, как прелюдией к мировой войне. При этом подписание договора не дало Муссолини ровным счетом ничего для выяснения дальнейших намерений Гитлера, с которым его теперь связывали точные и категорические обязательства.

В интерпретации обеих сторон пакт эмоционально и идеологически превозносился как символ нерасторжимого военного, военно-технического, экономического и культурного союза двух государств, связанных друг с другом общим фашистским мировоззрением. Однако миф и реальность ощутимо расходились друг с другом. Дуче даже не знал, что 23 мая 1939 г., на следующий день после подписания "Стального пакта", Гитлер на секретном совещании с высшими военными чинами заявил, что "при первой подходящей возможности" необходимо напасть на Польшу. Хотя 2-я статья только что заключенного пакта предусматривала предварительное обсуждение дел, представляющих общий интерес – а развязывание войны, несомненно, представляло такой интерес, – Гитлер подчеркнул: "Секретность (от Италии в том числе. – *А.Н.*) – предпосылка успеха"²³. Таким образом, "Стальной пакт" был нарушен германской стороной уже на следующий день после подписания. Более того, от итальянского посла в России уже в мае–июне начали поступать сведения о начавшихся германо-советских переговорах²⁴, которые также проходили за спиной итальянцев.

Даже сторонние наблюдатели не могли не отметить менявшееся соотношение сил в рамках "оси". "Германия, – писал французский посол в Риме А. Франсуа-Понсе, – не

²¹ *Ciano G. Diplomatic Papers. London, 1948, p. 183–286; idem. Diary, p. 227–228.*

²² *Toscano M. Op. cit., p. 405–408.*

²³ Год кризиса. 1938–1939, т. 1. М., 1990, с. 493–495.

²⁴ ASMAE, Affari Politici: Germania, busta 60, URSS e Germania, Colloquio Molotov – von Shulenburg, Rosso-Ciano, 24.V.1939; I Documenti diplomatici italiani. Ottava serie: 1935–1939 (далее – DDI), v. XII–XIII. Roma, 1952–1953, p. 273–274, 317.

уважает своего союзника. Она считает, что Италия готова ее предать. Итальянцы жаждутся на высокомерие партнера. Они озабочены планами германского господства и гегемонии"²⁵.

Однако дуче пребывал в уверенности в неизбежности достигнутых договоренностей о необходимости нескольких лет мира. 30 мая 1939 г. специальный посланник Муссолини генерал У. Кавалеро (представитель Италии в военной комиссии, образованной в соответствии со "Стальным пактом"), передал Гитлеру меморандум Муссолини. В меморандуме вновь подчеркивалась мысль о необходимости сохранения мира до конца 1943 г. В течение этого времени Муссолини советовал изматывать демократические страны угрозами, но не применять силу. Констатируя, что война между "плутократическими консервативными нациями" и "бедными нациями" неизбежна, Муссолини высказывал мнение, что потребуется не менее трех лет для военной, политической и моральной подготовки к этой войне. В "моральную подготовку" Муссолини, в частности, включал проведение диверсий и саботажа в странах предполагаемого противника, а также "усилия по подрыву внутреннего единства", к которым он относил стимулирование пацифизма, антисемитизма, сепаратистских движений.

В отношении грядущего конфликта дуче высказывал мнение, что на Западе война будет иметь позиционный характер и лишь на Востоке и Юго-Востоке Европы страны "оси" смогут проявить свой "динамизм". Поскольку "великие демократии" готовят войну на истощение, то Муссолини предлагал "для обеспечения стран "оси" сырьем и промышленными поставками" захватить Грецию, Румынию и Турцию, используя для этого "две пешки": Венгрию и Болгарию.

Аргументируя свое желание отложить начало конфликта, Муссолини писал Гитлеру, что конкретно нужно предпринять Италии для ведения войны: стабилизировать ситуацию в Албании и Северной Африке, умиротворить Абиссинию; усовершенствовать планы автаркии; репатриировать итальянцев из Франции; рассредоточить военные предприятия из долины По. Большое значение Муссолини придавал и проведению в 1942 г. в Риме помпезной международной выставки в ознаменование 20-й годовщины похода на Рим: эту выставку решительно нельзя было отменять из-за войны. В любом случае, войну, по мнению Муссолини, нельзя было начинать раньше 1943 г.²⁶

В качестве одной из причин оттягивания мирового конфликта Муссолини называл и необходимость совершенствования вооружений: завершение постройки и реконструкции шести линейных кораблей; обновление парка средней и тяжелой артиллерии и так далее. Однако о реальном состоянии итальянской армии – истинной причине его колебаний – дуче умалчал. Дело в том, что к 1939 г. вооружение итальянской армии, как метко заметил итальянский генерал К. Фавагросса, "представляло собой груду металлолома, настолько устаревшим оно являлось"²⁷. Оружием пехотинца продолжала оставаться винтовка образца 1891 г.; значительную часть артиллерии составляли австрийские трофеи времен Первой мировой войны; на вооружении бронетанковых дивизий состояли 3-х тонные танкетки, уязвимые для винтовочных пуль и прозванные солдатами "спичечные коробки"; только третья часть самолетов была в состоянии летать; сравнительно боеспособному военно-морскому флоту катастрофически не хватало топлива. Неудивительно, что Муссолини не прельщала перспектива быть втянутым в мировую войну из-за гитлеровского нападения на Польшу.

В Германии, где уже был разработан план нападения на Польшу – план "Вайс" – доводы Муссолини были встречены прохладно. Гитлер приказал направить "меморандум Кавалеро" в архив, не делая с него копий: фюрер не ответил дуче. Наглядным подтверждением пренебрежительного отношения Германии к своей союзнице по "оси" могут служить комментарии начальника кабинета Риббентропа Е. Кордта: "За-

²⁵ *Francois-Poncet A.* Au Palais Farnese. Paris, 1961, p. 33.

²⁶ DDI, v. XII, p. 49–50.

²⁷ *Favagrossa C.* Perche perdemmo la guerra. Milano, 1946, p. 12.

метки о подготовке и ходе возможного конфликта в 1943 г., которые изложены в письме Муссолини, являются типичным примером отсутствия морали в его характере и претенциозного идиотизма его выражений. Нет даже нужды входить в подробности²⁸.

В Риме же продолжали считать, что немцы согласны подождать с началом войны. Соответственной была и направленность внешней политики Италии. Дуче раздражали начавшиеся переговоры западных демократий с Москвой и англо-французские гарантии Румынии и Польше, хотя эти страны имели весьма отдаленное отношение к "стратегической глубине" внешней политики фашистской Италии. Когда новый британский посол в Италии П. Лорэйн 27 мая 1939 г. представился по случаю своего прибытия Муссолини, тот был, по словам Чиано, "агрессивен и груб с ним"²⁹. 4 июня 1939 г. дуче отозвал из Лондона итальянского посла Д. Гранди.

С середины лета 1939 г. из европейских столиц стали поступать все более тревожные новости. В конце июня Аттолико сообщал из Берлина, что германская вооруженная агрессия против Польши практически неизбежна³⁰.

29 июня 1939 г. испанский каудильо Ф. Франко предостерегал командующего "Итальянским добровольческим корпусом" в Испании Г. Гамбару, что политика Гитлера в отношении Данцига приведет к войне³¹.

4 июля 1939 г. британский посол в Риме предостерегал фашистских руководителей, что нападение Германии на Польшу вызовет европейскую войну (правда, это не помешало Лорэйну спустя три дня передать просьбу премьер-министра Великобритании использовать влияние дуче для умиротворения Гитлера). В ответ Муссолини поручил Чиано довести до сведения британцев, что если Англия готова применить силу для защиты Польши, то Италия обнажит оружие для защиты своей союзницы Германии³².

Пока Муссолини продолжал свою воинственную риторику, итальянский посол в Берлине вновь предупреждал о неизбежности военных действий Германии против Польши. Однако до определенного момента в Риме не обращали внимания на эти тревожные новости, не принимая всерьез донесения посла. Похоже, в середине лета 1939 г. в Риме просто не верили в то, что Берлин начнет военные действия без предварительных консультаций со своей союзницей, хотя в Германии шла интенсивная подготовка к войне и бушевала яростная антипольская пропагандистская кампания.

Летом 1939 г. международная обстановка стремительно ухудшалась. "Происходит лихорадочная концентрация войск (вермахта. – А.Н.) на польской границе, – писал Аттолико 11 июля. – Официально нашим военным атташе ничего не сообщают, но они узнают от своих коллег, что создаются новые армейские корпуса. Переброска войск должна быть закончена к 15 августа". 2 и 3 августа 1939 г. итальянский военный атташе в Берлине генерал Роатта в срочных телеграммах сообщал о военных приготовлениях Германии и приходил к выводу, что "рейх слишком втянулся в подготовку, чтобы отступить". 24 июля и 9 августа Аттолико сообщал о том, что "немецкая акция против Польши начнется 10 августа" и "возможности мирного исхода сокращаются"³³.

2 августа 1939 г. Чиано признавался в своем дневнике: "Настойчивость Аттолико озадачивает меня. То ли посол потерял голлову, то ли видит и знает что-то, полностью от нас ускользнувшее"³⁴.

В конце июля – начале августа и дуче, похоже, начал осознавать всю серьезность положения. 22 июля 1939 г. состоялась встреча Муссолини с Чиано и М. Маджистрати (первым секретарем итальянского посольства в Берлине). Признав, что развитие со-

²⁸ *Toscano M.* Op. cit., p. 388.

²⁹ *Ciano G.* Diary, p. 235.

³⁰ DDI, v. XII, p. 291, 304–305.

³¹ *Mallet R.* Op. cit., p. 202.

³² DDI, v. XII, p. 349, 382.

³³ *Ibid.*, p. 449, 487, 566, 573, 609.

³⁴ *Ciano G.* Diary, p. 255.

бытий происходит чрезвычайно быстро, дуче заявил о необходимости срочно созвать "новый Мюнхен" с участием Италии, Германии, Франции, Великобритании, Польши и Испании³⁵.

Для воплощения в жизнь идеи конференции Муссолини решил 4 августа 1939 г. лично встретиться с Гитлером на Бреннерском перевале. 24 июля через Аттолико Муссолини представил Гитлеру перечень основных вопросов, отметив, что если фюрер считает войну "неизбежной", то Италия будет стоять плечом к плечу с Германией. "Первое, что следует подчеркнуть со всей ясностью и безапелляционностью, – писал Муссолини, – это то, что если фюрер считает, что сейчас действительно наступило время для войны, то Италия готова согласиться с ним на 100%!". Однако дуче напоминал, что война с Польшей не останется локальной, а перерастет в европейский конфликт. Муссолини предостерегал своего союзника, так как считал, что 1939 год – не самое удачное время для стран "оси", чтобы начать такую войну. Подчеркивая, что Италия не готова к войне, дуче взамен предлагал "конструктивную миролюбивую политику в течение нескольких лет", за которые Германия решит свои проблемы с Польшей, а Италия дипломатическим путем свои проблемы с Францией. Наконец, дуче предлагал созвать еще одну международную конференцию великих держав³⁶.

Однако Гитлер, опасаясь, что его военные планы вновь будут расстроены Муссолини, как это произошло во время чехословацкого кризиса, уклонился от встречи. В Риме начали подозревать неладное. «Нам нужно найти какой-то выход, – писал Чиано 6 августа 1939 г. – Если мы последуем за немцами, то ввяжемся в войну при самых неблагоприятных для стран "оси", особенно для Италии, обстоятельствах. Наш золотой запас сократился почти до нуля, так же как и наши запасы металла. Нам необходимо избежать войны. Я предложил дуче, чтобы я встретился с Риббентропом. Во время этой встречи я попытаюсь развить мысль Муссолини о созыве всемирной конференции»³⁷.

К этому времени Муссолини был уже очень серьезно обеспокоен возможностью вовлечения Италии в войну. Итальянцы продолжали настаивать на двусторонней встрече. "Дуче, как никогда, уверен в том, что конфликт необходимо отложить, – записал Чиано 8 августа 1939 г. в своем дневнике. – Он сам разработал план выступления на встрече в Зальцбурге, который заканчивается ссылкой на международные переговоры, имеющие целью решить проблемы, так будоражащие Европу. Перед отъездом он советует мне откровенно заявить немцам, что мы должны избежать конфликта с Польшей, так как не будет возможности его локализовать, а всеобщая война обернется катастрофой для всех"³⁸.

Через два дня дневниковые записи зятя дуче стали еще более категоричны: "Прежде чем опустить меня, дуче велел прямо сказать немцам, что необходимо избежать конфликта с Польшей, поскольку его невозможно будет локализовать, а общая война окажется гибельной для всех. Никогда еще дуче не говорил о необходимости мира столь откровенно и столь горячо"³⁹.

Муссолини был настойчив: на встрече Париани с Кейтелем в апреле 1939 г., во время заключения "Стального пакта", и в ходе последующих дипломатических контактов по линии "оси Берлин–Рим" обеими сторонами постоянно подчеркивалась мысль о необходимости мирной передышки минимум в два года.

Политическая линия Муссолини была перечеркнута одним ударом. 11 августа 1939 г. в загородной резиденции Риббентропа в замке Фушль под Зальцбургом прошла встреча Чиано с Риббентропом и Гитлером. Итальянцам, наконец, стало ясно, что "третий

³⁵ *Corvaja S.* Op. cit., p. 111.

³⁶ DDI, v. XII, p. 497–499; *Ciano G.* Diary, p. 253–254.

³⁷ *Ciano G.* Diary, p. 256.

³⁸ *Ibid.*, p. 257.

³⁹ *Ibidem.*

рейх" твердо решил развязать войну против Польши, причем в ближайшее время. Рейхсминистр иностранных дел с холодной решимостью заявил, что ситуация в Европе изменилась, и ждать 2–3 года уже не представляется возможным. "Хорошо, г-н Риббентроп, – сказал Чиано. – Что же вам нужно: Данциг или коридор?". Риббентроп ответил: "Уже ни то, ни другое. Нам нужна война!". Так, по словам Чиано, выглядел этот эпизод, который он вспомнил в веронской тюрьме в декабре 1943 г. накануне расстрела⁴⁰.

12 августа 1939 г. Чиано был принят Гитлером в Берхтесгадене. Гитлер был очень вежливым с Чиано, но почти не слушал собеседника. Гитлер произнес длинный и многословный монолог: он подтвердил сказанное Риббентропом в отношении Польши и посоветовал Италии разделаться с "фальшивым нейтралом" – Югославией. Гитлер заявил о своей полной уверенности в том, что западные державы "в конечном итоге воздержатся от всеобщей войны". Итальянский министр возразил – столкновение с Польшей, по его мнению, неизбежно "разовьется в общую европейскую войну". Чиано подчеркнул, что Италия "крайне нуждается в передышке". Но Гитлер был непреклонен, заявив, что мирное решение польской проблемы невозможно, он "не может терять время", поэтому нападение на Польшу может произойти "в любой момент", и весь вопрос должен быть решен к концу августа 1939 г.⁴¹

Во время беседы Гитлера с Чиано фюреру с нарочитой торжественностью была вручена телеграмма из Москвы, из которой итальянскому министру стало ясно, что советско-германские переговоры, (проходившие, разумеется, без участия Италии) вступили в решающую фазу. При этом и Гитлер, и Риббентроп убеждали Чиано, что не только СССР, но и Англия и Франция не вмешаются в военный конфликт из-за Польши⁴².

Таким образом, в итало-германских отношениях сложилась пикантная ситуация. Подписывая "Стальной пакт", Муссолини не сомневался в неизбежности войны с западными демократиями, однако считал при этом, что такое развитие событий возможно только через 3 года – не ранее 1942 г.

Спустя 3 месяца после подписания "Стального пакта", в августе 1939 года, Гитлер и Риббентроп настаивали, что европейская война не разразится в случае нападения Германии на Польшу, так как Англия и Франция в войну не вступят. Проблема заключалась в том, что фашистский лидер и его зять имели иную точку зрения – в итоге они оказались правы.

После встречи с Гитлером Чиано ждало новое разочарование: вернувшись в Рим, министр иностранных дел Италии с удивлением и возмущением узнал, что официальный Берлин опубликовал коммюнике, в котором утверждалось, что итало-германская встреча закончилась полным признанием Италией целей и устремлений Германии, что совершенно не соответствовало действительности. "Они лгали нам, – записал Чиано в дневнике, – а теперь втягивают в авантюру, которая может окончиться плохо для страны и фашистского режима... Я не знаю, чего нам следует желать: победы или поражения Германии"⁴³.

Чиано, озлобленный на Гитлера и его окружение, принялся агитировать дуче отказаться от выполнения условий "Стального пакта". Он предложил заявить Гитлеру, что Италия не имеет намерения участвовать в войне – юридические основания для денон-

⁴⁰ Ibid., p. 590. Риббентроп на Нюрнбергском процессе отмечал, что никогда не говорил Чиано этой фразы: "Я до сих пор хорошо помню, что именно я тогда сказал Чиано: с фюрера хватит польских провокаций! Польша должна понять, что Данциг должен вернуться в рейх... Граф Чиано умалчивает, что с марта 1939 г. был полностью в курсе насчет обострения германо-польских отношений". – *Риббентроп И. фон*. Мемуары нацистского дипломата. М., 1996, с. 292–293.

⁴¹ Documents on German Foreign Policy 1918–1945, Series D (далее – DGFP), v. VI–VII. London, 1956, p. 49.

⁴² Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939, т. 2. М., 1981, с. 211–212; DGFP, v. VI, p. 53–56.

⁴³ *Ciano G. Diary*, p. 258.

сацией договора формально имелись, так как германская сторона не соблюдала пункт, в котором предусматривались взаимные консультации для согласования действий. При этом нельзя забывать, что Чиано еще в апреле 1939 г. был информирован о возможной германской акции против Польши со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако Чиано предпочитал умалчивать об этом, сконцентрировавшись на заключении итало-германского военно-политического союза, превозносившегося фашистской пропагандой. Теперь же зятю Муссолини не осталось ничего иного как настраивать Муссолини против немцев, выставляя последних в роли предателей, ибо в противном случае вопрос о компетенции Чиано как министра иностранных дел встал со всей остротой.

Дуче мог бы повлиять на фюрера, как это уже произошло в сентябре 1938 г. Но Муссолини, оказавшийся заложником собственной многолетней воинственной риторики и переживавший в связи с этим глубокий личный кризис, колебался. "Сначала он (Муссолини. – А.Н.) соглашается со мной, – писал Чиано. – Потом говорит, что честь требует, чтобы он выступил вместе с Германией. В конце концов, заявляет, что ему нужна его доля в Хорватии и Далмации"⁴⁴. То есть Муссолини намеревался воспользоваться действиями Гитлера против Польши, чтобы попытаться расчленить Югославию.

14 августа 1939 г. Чиано внушал Муссолини, что его престиж падает, а сам он играет роль второй скрипки. "Наконец, – писал Чиано, – я показываю ему документы, из которых очевидно вероломство немцев в польском вопросе. В основе союза лежат обещания, которые они теперь отрицают; мы должны отделаться от них без всяких сомнений"⁴⁵. На следующий день Муссолини беседовал с Чиано шесть часов подряд и говорил "с грубой откровенностью", заявив, что Италия "не должна следовать за Гитлером с завязанными глазами", в случае если Франция и Англия выступают в защиту Польши. Однако еще есть вероятность, хотя и небольшая, что они воздержатся от вмешательства. В этом случае Италия должна выступить вместе с Германией, потому что она также надеется "получить часть добычи". Таким образом, по мнению Муссолини, «надо было найти решение, которое позволило бы: а) если демократии атакуют, "не теряя чести", оторваться от Германии; б) если демократии "проглотят пилюлю", воспользоваться случаем, чтобы раз и навсегда покончить с Югославией»⁴⁶.

17 августа 1939 г. глава итальянского генштаба маршал П. Бадольо заявил Муссолини, что с военной точки зрения Италия совершенно не готова к войне. В ответ дуче приказал укреплять обороноспособность империи на случай атаки западных демократий, а также разработать сценарий возможных операций в Хорватии и Греции⁴⁷.

18 августа 1939 г. Муссолини заявлял, что "западные страны все-таки не вступят в войну и Гитлер ловко провернет дело". "Дуче, – писал Чиано, – не хочет, чтобы дело проворачивали без него". При этом Муссолини опасался, что Гитлер будет недоволен.

В одной из бесед с Чиано Муссолини даже заявил, что "денонсация Италией пакта с Германией может привести к тому, что Гитлер откажется от решения польского вопроса для того, чтобы свести счеты с Италией"⁴⁸. Муссолини было известно, что Берлин располагает секретными материалами, захваченными в австрийских архивах, пролившими свет на антигерманские действия Италии в 1933–1938 гг.

Дуче даже собирался послать Чиано в Берлин с заявлением следующего характера: "Немцы, а не итальянцы предали альянс, мы готовы быть партнерами, а не слугами". "Разорви пакт и брось его в лицо Гитлеру, – наставлял Муссолини Чиано, – и Европа признает в тебе лидера антигерманского крестового похода"⁴⁹.

⁴⁴ Ibid., p. 258.

⁴⁵ Ibid., p. 258–259.

⁴⁶ Ibid., p. 259.

⁴⁷ Mallet R. Op. cit., p. 206.

⁴⁸ Ciano G. Op. cit., p. 261.

⁴⁹ Corvaja S. Op. cit., p. 112.

Однако 20 августа 1939 г. Муссолини изменил свою точку зрения на противоположную: он решил "всеми силами поддерживать Германию в конфликте, который вот-вот начнется"⁵⁰.

22 августа 1939 г. Гитлер произнес речь перед германскими военачальниками, о которой, разумеется, ничего не знали в Риме. Гитлер подробно рассмотрел политические и стратегические условия быстрого разгрома Польши⁵¹.

За день до этого, 21 августа, Муссолини и Чиано пришли к выводу о целесообразности немедленной встречи Чиано с Риббентропом, на которой итальянский министр должен был заявить, что Италия "не примет участия в конфликте, вызванном нападением Германии на Польшу"⁵².

Однако когда заканчивались последние приготовления к встрече Чиано с Риббентропом, в Рим поступил звонок из Берлина: Риббентроп просил перенести встречу с Бреннерского перевала ближе к центру Германии из-за необходимости как можно скорее вылететь в Москву для подписания политического пакта с СССР.

Пока Муссолини судорожно пытался выработать целостную концепцию поведения Италии в новых международных условиях, Гитлер, не ставя в известность своего союзника, вел активные переговоры с советскими руководителями. 23 августа 1939 г. был заключен германо-советский договор о ненападении. "Теперь, – по свидетельству очевидцев воскликнул Гитлер, – весь мир – у меня в кармане"⁵³. Роль Италии в этом стремительно менявшемся мире становилась все более двусмысленной. "Стальной пакт" был вновь нарушен, так как никаких предварительных консультаций с Италией не проводилось; кроме того, новая дипломатическая конструкция Гитлера однозначно противоречила самой сути "Антикоминтерновского пакта", к которому Италия присоединилась в 1937 г.

Однако стремительное развитие событий не помешало итальянскому послу в Москве заявить, что "итальянское правительство признает улучшение германо-советских отношений весьма желательным"⁵⁴.

Утром 25 августа 1939 г. Гитлер, наконец, лично сообщил Муссолини о готовности начать военные действия против Польши и просил "понимания" итальянской стороны⁵⁵. Таким образом, Гитлер оставлял свободу выбора за Муссолини и не настаивал на скрупулезном выполнении обязательств по "Стальному пакту". Муссолини ответил своему союзнику: "Если Германия атакует Польшу и конфликт будет локализован, Италия окажет Германии любой вид политической и экономической помощи, которую от нее потребуют. Если Германия атакует Польшу и ее союзники контратакуют Германию, я предпочел бы не брать на себя инициативу по развязыванию военных действий... Однако наше выступление может быть немедленным, если Германия тотчас же предоставит нам военные средства и сырье, необходимые для того, чтобы выдержать удар, который англо-французы направят преимущественно против нас"⁵⁶.

"Итальянцы ведут себя совсем как в 1914 г.", – заявил Гитлер после получения этого письма. «В течение ближайшего часа, – вспоминал переводчик Гитлера П. Шмидт, – на всю канцелярию разносились пренебрежительные замечания фюрера о "вероломном партнере по оси"»⁵⁷. В результате после вестей из Рима, а также новостей о заключении англо-польского соглашения о взаимопомощи, Гитлер был вынужден отказаться от назначенного на 26 августа 1939 г. нападения на Польшу. Поздно вечером

⁵⁰ *Ciano G. Diary*, p. 261–262.

⁵¹ *Дашичев В.И. Указ. соч.*, с. 67–68.

⁵² *Ciano G. Diary*, p. 262.

⁵³ Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну. М., 1991, с. 234.

⁵⁴ Архив внешней политики РФ, ф. 06, оп. 1, п. 10, д. 99, л. 26.

⁵⁵ *DDI*, v. XIII, p. 161–163.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 164–165.

⁵⁷ *Шмидт П. Переводчик Гитлера*. Смоленск, 2001, с. 200.

25 августа он отправил Муссолини короткое письмо, в котором запрашивал сведения о сырье и вооружении, в котором Италия нуждалась, чтобы вести войну⁵⁸.

На следующее утро, 26 августа 1939 г., дуче собрал начальников генштабов армии, авиации и флота и приказал им составить список военных материалов, необходимых для участия Италии в войне, дав при этом понять, что стесняться в этом случае не следует. В результате получился документ, который, по выражению Чиано, "был способен убить быка, если бы тот умел читать"⁵⁹. Муссолини требовал 170 млн. тонн грузов, для перевозки которых понадобились бы сотни тысяч железнодорожных эшелонов. "Считаю своим долгом заявить Вам, – писал дуче в новом послании фюреру, – что, пока я не буду уверен в том, что получу все эти материалы, те жертвы, принести которые я буду призывать итальянский народ, окажутся напрасными и могут скомпрометировать Ваше дело и мое тоже"⁶⁰.

Это было заведомым вымогательством – при всем желании Германия не способна была выполнить требования итальянцев. Немногое, что могли предложить итальянцам немцы – железо, уголь, лес и несколько батарей противоздушной обороны. В письме, пришедшем в Рим 27 августа 1939 г., Гитлер выражал "понимание ситуации". Он просил своего союзника лишь поддержать Германию "психологически": задержать сообщение о решении Италии соблюдать нейтралитет, продолжать мобилизационные мероприятия, для того чтобы держать в напряжении Францию и Англию и связать как можно больше войск западных демократий. Также фюрер запрашивал итальянских сельскохозяйственных и промышленных рабочих для нужд рейха⁶¹.

Муссолини определенно желал уклониться от обязательств перед своим союзником. Позже этот факт подтвердит сам дуче. "Во время последних десяти дней августа, – писал в мемуарах Муссолини, – Италия предприняла то, что можно было бы назвать отчаянной попыткой избежать катастрофы. Я не хотел войны. Я не мог хотеть войны. Я наблюдал за ее приближением с глубокой болью. Я воспринимал ее как знак вопроса, нависший над всем будущим нации"⁶².

Действительно, Италия была не готова к войне. Дуче "чувствовал, что нельзя слишком часто испытывать судьбу... и что война, если она разразится, задержит развитие, поставит нас в тупик, а возможно, и полностью все разрушит"⁶³. "Милитаристский инстинкт и чувство гордости дуче, – писал Чиано в своем дневнике 26 августа 1939 г., – требуют вступления в войну. Но здравый смысл его останавливает"⁶⁴.

Так или иначе, Муссолини дал твердое обещание германскому послу Макензену "выполнить просьбы Гитлера на 100 процентов"⁶⁵. В это же время Муссолини (стараниями Чиано) стало известно, что Гитлер предлагает союз Великобритании. Хотя уже 28 августа 1939 г. Берлин категорически опроверг эти сообщения⁶⁶, итальянцам вполне могло показаться, что положения "Стального пакта" снова нарушаются. Тем не менее, Муссолини, не желавший войны, проводил мобилизационные мероприятия, что-бы в случае мирного исхода конфликта заявить, что он хотел войны больше других.

В итоге обещанные Гитлеру демонстративные маневры военно-морского флота Италии едва не привели к началу войны Италии с западными демократиями. Чиано, разумеется, с согласия дуче, пришлось за спиной своих немецких союзников вести с англичанами переговоры с целью убедить, что Италия на самом деле не собирается воевать ни с Англией, ни с Францией. Одновременно Муссолини прилагал энергичные

⁵⁸ DDI, v. XIII, p. 170.

⁵⁹ *Ciano G. Diary*, p. 265.

⁶⁰ DDI, v. XIII, p. 189–190.

⁶¹ DGFP, v. VII, p. 346–347; DDI, v. XIII, p. 211–212.

⁶² *Муссолини Б. Мемуары 1942–1943. М., 2004, с. 289.*

⁶³ Там же, с. 290.

⁶⁴ *Ciano G. Diary*, p. 265.

⁶⁵ DGFP, v. VII, p. 351.

⁶⁶ *Ciano G. Diary*, p. 266–267.

усилия по спасению мира. Муссолини, вступив за спиной Гитлера в контакт с англичанами, убеждал главу британского министерства иностранных дел лорда Галифакса, что он готов попытаться умиротворить Гитлера, только принеся ему "большой приз" – Данциг⁶⁷. По сути, дуче пытался повторить дипломатический ход, удавшийся ему в сентябре 1938 г. Тогда Гитлер принял мирные предложения Муссолини, но в конце августа 1939 г., когда военно-промышленный потенциал и политическое влияние Германии возросло, – Гитлер жаждал войны.

Время умиротворителей безвозвратно прошло. Ничто уже не могло поколебать решения Гитлера начать войну с Польшей, да и англичане были не так податливы, как год назад. 28 августа 1939 г. Гитлер приказал напасть на Польшу на рассвете 1 сентября. В этот день в 4 часа 45 минут германская авиация нанесла первые удары по территории Польши.

Утром 1 сентября 1939 г., когда вермахт уже вторгся в Польшу, Гитлер по настоянию Муссолини послал в Рим телеграмму, которая освобождала Италию от обязательств по "Стальному пакту": "Дуче! От всего сердца благодарю Вас за ту дипломатическую и политическую помощь, которую Вы оказываете Германии в ее справедливом деле. Я убежден, что мы сможем выполнить стоящую перед нами задачу силами германской армии. Таким образом, я не ожидаю при сложившихся обстоятельствах военной помощи со стороны Италии"⁶⁸. Телеграмма Гитлера была немедленно зачитана по итальянскому радио. 1 сентября 1939 г. в 15:00 совет министров Италии опубликовал заявление о том, что Италия намерена придерживаться статуса "неучастия"⁶⁹ в начавшейся войне.

Италия была совершенно не подготовлена к участию в войне. Кроме того, конфликт Германии с Польшей ее непосредственно не затрагивал: у Италии не было никаких разногласий с Польшей, отношения двух католических стран всегда строились на корректной основе. Однако не стоит считать Муссолини пацифистом. Фашистский лидер, будучи по натуре авантюристом, лишь выжидал более благоприятный момент для участия в мировой схватке. "Правительство было убеждено, что *pacta sunt servanda* (пакты должны соблюдаться.– А.Н.) и что в определенный момент вступление в войну на стороне своего союзника станет неизбежным"⁷⁰, – позже писал фашистский диктатор.

После того как Муссолини определил формальное отношение Италии к войне, фашистское правительство активизировало свою деятельность на дипломатической арене. Дуче, панически боясь атаки со стороны англо-французских сил, все еще надеялся на новый "Мюнхен". "В течение 30, 31 августа и 1 сентября из Палаццо Киджи были отправлены десятки телеграмм. Безостановочно звонили телефоны в Палаццо Венеция, связь осуществлялась с Лондоном, Парижем и Берлином", – вспоминал Муссолини⁷¹.

В конце августа – начале сентября 1939 г. Муссолини и Чиано предпринимали отчаянные попытки организовать новую конференцию пяти стран (Германии, Италии, Англии, Франции и Польши) для обсуждения условий прекращения военных действий между Германией и Польшей. При этом предусматривалось, что перемирие будет заключено на той основе, что германские войска останутся на захваченных ими территориях Польши до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное урегулирование.

Однако все усилия итальянского диктатора оказались тщетными. Западные державы были готовы рассматривать предложения дуче при условии, что германские войска отойдут к довоенной границе рейха. Но итальянцам было ясно, что Гитлер нико-

⁶⁷ Ibid., p. 269.

⁶⁸ DDI, v. XIII, p. 330.

⁶⁹ Термин "неучастие" придумал лично Муссолини, так как слово "нейтралитет" слишком резало его слух.

⁷⁰ Муссолини Б. Указ. соч., с. 291.

⁷¹ Там же.

гда не пойдет на такие условия. "Это не мое дело, – писал 2 сентября 1939 г. Чиано, – давать Гитлеру совет, который он решительно отвергнет, может, даже с презрением. Я сказал это Галифаксу, обоим послам (Великобритании и Франции. – А.Н.), дуче, я, наконец, позвонил в Берлин и передал, что, если немцы не изменят свою позицию, мы прекратим переговоры. Последняя надежда исчезла"⁷².

3 сентября 1939 г. перед отъездом в ставку верховного главнокомандования на фронт Гитлер послал еще одно письмо Муссолини. "Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за Вашу последнюю попытку выступить в качестве посредника. Я был бы рад принять предложение, но только в том случае, если бы было возможно дать мне определенные гарантии, что исход конференции будет успешным... Недавно Вы любезно заверили меня, что сможете оказывать мне помощь в некоторых областях. С искренней благодарностью заранее принимаю Вашу помощь. Я также верю, что несмотря на то, что сейчас мы с Вами идем разными путями, судьба еще крепко нас свяжет. Если национал-социалистская Германия будет уничтожена западными демократиями, то фашистскую Италию ждет трудное будущее. Лично я всегда был уверен, что будущее наших двух режимов тесно связано, и я знаю, дуче, что Вы придерживаетесь такого же мнения... Позвольте еще раз поблагодарить Вас, дуче, за всю ту помощь, которую Вы оказывали мне в прошлом и в которой я прошу Вас не отказать мне в будущем"⁷³.

4 сентября 1939 г., на следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии, Муссолини, удостоверившись, что западные союзники не собираются нападать на Италию, провозгласил полную и тотальную солидарность с Гитлером и верность "оси Берлин–Рим".

10 июня 1940 г., опасаясь не успеть к дележу сокрушенной вермахтом Франции, фашистская Италия вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии.

В заключение следует вернуться к одному эпизоду, который произошел во время визита Муссолини в Германию в сентябре 1937 г. Выступая под раскаты грома и всполохи молний на переполненном стадионе в Берлине, Муссолини торжественно заявил: "Когда фашист обретает друга, он идет с ним вместе до конца"⁷⁴. Тогда дуче сделал свой выбор. Однако от Муссолини не могло ускользнуть скептическое отношение, с которым в Германии относились к новоявленному союзнику и "другу". Муссолини не мог не видеть нежелание германских союзников не только содействовать целям внешней политики фашистской Италии, но и даже согласовывать с Римом свои действия. Однако лишь в союзе с Германией Италия могла реализовать свои экспансионистские планы.

Занятая фашистским режимом Италии позиция в ходе предвоенного кризиса обуславливалась экономической и военной слабостью Италии, ее уязвимостью перед лицом потенциальных противников. Муссолини остро переживал свою стремительно растущую зависимость от Гитлера, но ничего не мог с этим поделать. Связав судьбу своей страны и свою собственную с гитлеровской Германией, Муссолини предопределил поражение Италии в войне и собственную гибель.

⁷² *Ciano G. Diary*, p. 271.

⁷³ *DDI*, v. XIII, p. 386–387.

⁷⁴ *Хибберт К. Указ. соч.*, с. 110–111.